

Ирина Глебова

Таинственное исчезновение

*Часть сборника
Таинственное исчезновение
(сборник)*

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

Таинственное исчезновение

«Автор»

2012

Глебова И. Н.

Таинственное исчезновение / И. Н. Глебова — «Автор»,
2012 — (Следователь Викентий Петрусенко)

Расследование самоубийства – вызов для любого сыщика: жертва и преступник объединились в одном лице, как наказать виновного, как его оправдать? Но эта головоломка – только не для знаменитого следователя по особо опасным делам Викентия Петрусенко. Потомственный дворянин и любящий многодетный отец, Петрусенко в повести «Таинственное исчезновение» смело идет навстречу казалось бы тупиковому случаю. И выясняет, что иногда самоубийство – лишь хитрый обман для мужчины, который не может выбрать между двумя женщинами и двумя судьбами... Яркие сюжеты Ирины Глебовой продолжают увлекательную яркую серию «Интересный детектив»!

© Глебова И. Н., 2012

© Автор, 2012

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Глебова

Таинственное исчезновение

1

Раскладывая бумаги по папкам, просматривая и запирая один за другим ящики стола, Викентий Павлович думал, что завтрашняя поездка не совсем ко времени. Он представил, как Люся глянет обиженной девочкой, укоризненно качнет головкой... Да она и есть девочка, даром что их сынишке уже скоро два года. У него, у Алексашки, режутся зубки, он капризничает, и, конечно, Люсе легче, когда муж рядом. Не потому, что он может чем-то помочь. Просто молодую женщину успокаивают его голос, взгляд, одно его присутствие. Викентий знал об этом, ценил. Но работа есть работа. Тут он над собой не властен – и долг, и любовь к службе повелевают им.

Он уже вставал из-за стола, когда в кабинет заглянул Никонов. Был он лет на пять моложе Викентия, недавно перешел из стажеров в помощники следователя. Но отношения у них сложились дружеские и, если дело происходило не на глазах у начальства, коллеги называли друг друга по имени.

– Я слышал, ты отправляешься в Белопольский уезд? – спросил вошедший.

– Да, Сережа, завтра с утра еду. А что?

– Я тоже в те края собираюсь, и как раз завтра.

Викентий Павлович набросил летнее пальто – в июне, после установившегося, казалось, надолго тепла, вдруг повеяло прохладой. Заперев дверь на ключ, оба пошли по длинному коридору полицейской управы к выходу.

– И куда же именно? – поинтересовался Викентий у Никонова.

– В деревню Яковлевку. Дело-то пустячное: зарегистрировать самоубийство, сличить труп с фотографией Ивана Гонтаря, бежавшего из тюрьмы, оформить опознание и, коль то в самом деле он, снять дело о его розыске.

– Да, да, точно, слыхал я об этом... И что, думаешь, дело и впрямь простое?

Никонов делано засмеялся, воскликнул:

– Великий сыщик Петрусенко видит сложности там, где не видит никто!.. Брось, Викентий! Тут никаких тайн нет. Отъявленный мерзавец был приговорен к повешению, бежал из тюрьмы, добрался до дома и повесился. Но не в тюрьме, а на свободе, не руками палача, а сам. Оставил записку, все так и разъяснил. Отчаянный мужик, сильный характер! Веришь – уважаю его! Какие тут тайны? Так же, как и в том деле, за которое ты взялся. Тебе ли, восходящему светилу сыска, сбежавших мужей искать?

Они ехали на извозчике и уже сворачивали на улицу, где жил Петрусенко. Потому Викентий Павлович ответил коротко:

– Мне стало жаль молодую женщину. К тому же я не уверен, что тут все так просто.

Он спрыгнул с подножки затормозившей коляски, махнул Никонову рукой, крикнул:

– Заезжай завтра в семь утра. Поедем вместе, веселее будет.

Викентию Петрусенко было двадцать девять лет. Старший следователь губернского управления сыскной полиции, он блестяще провел несколько трудных дел и пользовался известностью не только в своем городе, но и в столице. Вот почему младший коллега, хоть и несколько иронизируя, назвал его «восходящим светилом сыска».

На станции маленького городка Белополье следователей встречали местный околоточный надзиратель и коляска из имения Захарьевки. Околоточный с Никоновым должны были

ехать до Яковлевки, но узнав, что господина Петрусенко повезут к Захарьевым, усатый Степан Матвейч воскликнул:

– Та це ж зовсим близьенько, по дорози! Поїдемо разом.

Коляска оказалась вместительной, они втроем удобно расположились в ней и легко тронулись накатанным шляхом. По пути околоточный рассказал, что раньше Яковлевка была одной из многих деревень, принадлежащих богатым помещикам Захарьевым. И сейчас местные крестьяне живут и работают в основном на еще не выкупленных у Захарьевых землях. Яковлевка и Захарьевка – самые близкие к имению деревни, многие тамошние крестьяне – в услужении при усадьбе. Само поместье богатое, хотя, после смерти старого барина, дела идут не так уж споро. Молодой хозяин такой хватки да такого интереса, как отец, не имеет. Холостяком почти и не жил дома, а женился – с женою молодою по курортам да столицам разъезжал. А тут и вообще, ходят разговоры, исчез куда-то...

Исчез. Именно это занимало мысли Петрусенко. Василий Артемьевич Захарьев в четверг минувшей недели уехал верхом к мировому посреднику, жившему своим домом в Белополье. Сталось это утром, после завтрака. А вскоре конь вернулся при полной сбруе, но без седока. Ксения Владимировна, супруга Захарьева, обеспокоившись, велела заложить коляску и помчалась в городок. До последнего держала себя в руках, все надеялась, что Василий найдется и, увидев ее, расхохочется, обнимет, назовет кисейной барышней... И не смогла удержать рыданий, услышав от удивленного посредника, что он ее мужа и в глаза не видел.

Она прождала три мучительных дня, уговаривая себя, что у мужа могли возникнуть какие-то непредвиденные и неведомые ей дела, возможно, понадобилось срочно ехать в губернский город и не было времени подать ей весточку и даже с кем-то прислать коня... Но от этих мыслей она переходила к другим: ни разу за полтора года их супружества он так не поступал, не уходил даже на час, не предупредив, дела его были ей известны, а любимого своего Воронка он уж никак не мог бросить, поручил бы любому из крестьян или горожан отвести его в имение, заодно уж и с известием для нее... В понедельник утром она поехала в город, пришла в полицейскую управу.

2

Ксения Владимировна встречала следователя у парадного входа в дом. Он приехал уже один – спутники сошли версты за две ранее. Худенькая, в простом на вид, но очень элегантно бело-голубом платье, она держала в руках шляпку и нервно теребила ленты. Серые глубокие глаза под темными бровями, густые светлые волосы, подобранные опять-таки просто, но очень изящно... Как и позавчера, в кабинете управы, так и сейчас Викентия Павловича тронуло и взволновало выражение ее лица. Глаза смотрят с мольбой и надеждой, но кончик нижней губы прикушен, словно она пытается подавить свои чувства. И голос молодой женщины как будто спокоен, но какая в нем слышится затаенная тревога!

Поздний завтрак уже был накрыт на уютной, обвитой плющом веранде второго этажа. Но ел он один, хозяйка к еде не притронулась, а когда подали чай, она налила и себе. Викентий Павлович понял, что она готова к разговору.

– Я здесь для того, чтобы помочь вам, – начал он мягко. – Не знаю еще, что увижу и что отыщу, но хочу сам все осмотреть. А для начала расскажите о своем муже, и, если возможно, я взглянул бы на его фото.

Хозяйка вышла, и Петрусенко увидел в открытую дверь, как она скрылась в глубине дома. Вернувшись, она положила перед ним на стол две фотографии: поясной портрет мужа и их, видимо, свадебный снимок.

Василий Захарьев оказался ровесником Викентия Павловича. Красивое открытое лицо, высокий лоб, разбросанные в поэтическом беспорядке волнистые пряди волос. Черты не крупные, но мужественные, четкие, подбородок с ямочкой. Твердый взгляд. Однако в чуть насупленных бровях и пролегшей между ними морщинке Петрусенко почудилось нечто особенное: тревога ли, неуверенность, затаенная мысль... На второй фотографии, где около сидящей на изящной парковой скамье Ксении Василий Артемьевич был заснят в полный рост, было видно, что он высок и строен.

А Ксения Владимировна, присев вновь на свой стул, уже рассказывала:

– Мы с Василием Артемьевичем знаем друг друга с детства. Я ведь урожденная Сташевская, наше имение неподалеку. Отцы дружили, ездили друг к другу в гости, иногда брали и нас, детей, подшучивали над нами, называя женихом и невестой. Но сами и всерьез сговорились, что со временем, коль мы будем не против, они нас обвенчают.

– Вася старше меня на шесть лет. Помню, когда мне было года три-четыре, он постоянно со мной возился, водил за руку по саду, катал на своей лошадке, змея воздушного для меня запускать. А повзрослев, вдруг потерял ко мне всякий интерес. Да и видаться мы стали редко: он жил в городе, учился в гимназии, а меня увезли в пансион в Киев. Только летом, на каникулах, я жила дома, в усадьбе. Его же часто и летом не бывало: он уезжал к своей бабушке в Вологодскую губернию. По-настоящему мы встретились пять лет назад, когда я окончила пансион, а Василий, отслужив в уланах, вышел в отставку поручиком.

Ксения Владимировна замолчала, опустив голову и водя пальцем по ободку чайного блюдца. А когда подняла глаза, они вдруг оказались огромными и влажными от еле сдерживаемых слез.

– Я знаю, – голос ее дрогнул, – с ним случилось что-то ужасное. Я готова рассказать все, любые подробности, если это хоть как-то поможет вам в его поисках. Я так благодарна вам, что вы согласились приехать!

Чтобы дать хозяйке время успокоиться, Викентий Павлович достал трубочку и спросил позволения закурить. Она тотчас же распорядилась подать ему бронзовый курительный прибор, сказав, что муж тоже курит. В табакерке оказался отличный табак. Викентий набил трубку и с удовольствием выпустил первые облачка дыма.

– Поверьте, Ксения Владимировна, – сказал он, – иногда самая, казалось бы, незначительная деталька дает нужное направление всем поискам.

Женщина уже поборол волнение. Петрусенко видел, что ей и самой хочется поговорить – о муже, о себе, обо всем, что их связывает.

История оказалась незамысловатой, но трогательной – благодаря тем чувствам, которые испытывала девушка, а после – молодая жена.

Детское восхищение и привязанность к старшему соседскому мальчику незаметно превратились в девичью нежность и влюбленность. В пансионе, пропитанном атмосферой сердечных тайн, подруги писали письма своим юным кузенам, бросали в окна записочки гимназистам. Ксения держалась в стороне от всей этой веселой и захватывающей возни, но это не оттолкнуло от нее остальных пансионеров. Они знали: Сташевская обручена, ее жених – офицер уланов. Она и сама в это верила: ведь недаром отцы ее и Василия, полушутя-полусерьезно, собирались поженить детей.

Василий вышел в отставку рано, о причинах она не знала, да и не допытывалась. Наоборот, была рада, что он вновь постоянно рядом. А он и вправду вел себя так, словно век собирался жить в имении. Встречались они просто, как давние друзья. Но Ксения не могла не заметить, что Василий приятно удивлен: восемнадцатилетняя девушка мало походила на того неловкого подростка, каким он видал ее последний раз – четыре года тому назад.

Они вновь стали видеться, правда, не слишком часто. Девушка поступила учиться на курсы сестер милосердия в губернском городе, а Захарьев-младший с головой ушел в хозяйственные заботы. Отец его, Артемий Петрович, часто болел, и сын все больше забирал дела в свои руки. Приходилось и уезжать надолго.

Встречи молодых людей были приятны обоим. Ксения видела это, сердце ее томилось радостным предчувствием, но время шло, все оставалось по-прежнему. А случалось, Василий становился неприветливым и даже резковатым с нею. Да, такое бывало.

Прошло три года. За это время один славный человек, молодой учитель, брат ее городской подруги, просил ее руки. Он был ей очень симпатичен, но Ксения отказала. Она любила и ждала. Однажды утром от Захарьевых прискакал слуга: ночью старый хозяин скончался. На похоронах Василий стал рядом с Ксенией и взял ее за руку. А вскоре сделал предложение.

Через полгода Ксения оказалась полной хозяйкой Захарьевки: матери Василий лишился уже лет десять назад. Стояла поздняя осень, урожай был собран, и Василий сказал: «Что делать в деревне зимой?» Они уехали. В губернском городе у Захарьевых был прекрасный дом. Но там они пробыли всего два дня, Василий торопился дальше – в Киев, Москву, потом, весной, – в Крым, а после в Варшаву, Берлин... И лишь на следующую весну, совсем недавно, они вернулись в родовое гнездо, по которому Василий скучал, она это чувствовала.

– Так что же удерживало его в дальних краях? – спросил Петрусенко. – Ваше желание?

– Нет, напротив, видя его тоску, я звала вернуться. Но он сразу принимал веселый вид, шутил, что стать уездными домоседами мы еще успеем, и мы ехали дальше.

И недели не прошло после возвращения Захарьевых в имение, как Ксения ощутила резкую перемену в муже. Энергичный, остроумный, душа компании, нежный и внимательный к ней – таким она знала его больше года. В Захарьевке Василий сделался меланхоличным, а иногда просто угрюмым. И впервые довел ее до слез пренебрежительным, раздраженным тоном. Правда, это было лишь раз, и раскаяние его казалось таким искренним, что она, конечно же, простила. И следовательно не стала бы говорить – да только он просил не упускать подробностей. Он, заинтересовавшись этим случаем, спросил:

– Как вы думаете, что вызвало в Василии Артемьевиче такие перемены? Может быть, вы расспрашивали его? Он ничего не говорил?

Да, Ксения пыталась помочь мужу, пыталась понять, что с ним происходит. Но тот лишь мрачновато отшучивался, а замечая испуг в ее глазах, брал себя в руки, ненадолго становясь

прежним – веселым и ласковым. Сразу по возвращении он рьяно занялся хозяйством. И молодая жена догадалась, что так он пытается лишить себя свободного времени – лихорадочно ищет себе какое угодно занятие.

– Боже мой! – Ксения обхватила руками свои худенькие плечи, словно мерзла. – Я нынче почти уверена, что эта его перемена настроения как-то связана с его исчезновением!..

До конца дня Викентий Павлович бродил по имению. Барский дом был красив и ухожен. Еще утром, подъезжая по широкой, уложенной желтой плиткой дорожке к высокому крыльцу с колоннами и резной дубовой дверью, Петрусенко подумал, что тут живут люди если не богатые, то очень обеспеченные. Широкие гостиные с удобными креслами и маленькими столиками, каминами и картинами на стенах говорили о том же. Мебель кабинетов – Захарьева-младшего и покойного Артемия Петровича – была отменной, в шкафах книги на русском, а также на немецком и французском языках. Следователь посидел в кабинете хозяина, просмотрел стопку деловых бумаг, полистал газетные вырезки. Он сам не знал, что хочет найти, да и не искал – присматривался. Говорил с людьми. Три из этих разговоров особенно его заинтересовали.

Дворецкий, давний слуга Артемия Петровича, неотлучно находился при старом хозяине в последние дни его жизни. Захарьев-старший уже не вставал, и, зная, что часы его сочтены, велел позвать сына. Это случилось вечером, а под утро он умер. Но тогда, в темной комнате, при тусклых свечах он долго говорил с сыном. Несколько раз за время этой беседы дворецкий тихо заходил в комнату: приносил отвар из трав, давал хозяину лекарство. Он слышал, что разговор шел о хозяйственных делах, о наследстве. Но последний раз, ненадолго зайдя в комнату с питьем, он уловил надрывный полусшепот больного: «Вася, молю тебя, не повтори моей ошибки! Я виноват перед тобой – прости, но не повтори! Женись на Ксении, живи семьей... Обещай же мне...» Василий сидел на постели, прижимал руку отца к груди. Коротко оглянувшись, сказал хрипло: «Поставь, Макарыч...» Голос его дрожал...

Старая нянька Василия жила в аккуратном флигельке в глубине большого сада. В прихожей пряно пахло травами, которые пучками свисали вдоль стен. Уютная комната, перегороженная широкой печкою словно на две – столовую и спальню. Кружевные вышивки, горшочки с цветами, коврики на полу... От старушки, живущей здесь в покое и довольствии благодеяниями своих хозяев, следователь услышал все больше о том, какие славные и добрые люди ее господа, да о детстве Васеньки. Казалось бы, ничего полезного в этих воспоминаниях нет. Но у Петрусенко уже появилось предчувствие, что – ох, не простое дело досталось ему, и корни, возможно, уходят в далекое прошлое. Он мог, конечно, ошибаться, но все же внимательно слушал рассказ о том, как поженились Артемий Петрович и Мария Степановна, как долго жили, не имея детей, как уезжал барин надолго по разным делам – богатство-то трудами дается, – а барыня тосковала, крестьянских ребятишек собирала, учила их грамоте, даже музыке. А потом родился сынок долгожданный. Он родился не здесь в Захарьевке, а в Вологодской губернии, откуда барыня была родом и где проживала ее матушка. Вернулась, когда Васеньке минуло полгода, тогда-то ее, Степаниду, и взяли в няньки. Она была из семьи бывших дворовых людей Захарьевых, и хотя уже лет десять как крестьян отпустили на волю, продолжала служить при барском доме. Но когда сделалась нянькой барчука, все изменилось – стала Степанида словно бы членом семьи. В своем Васеньке души не чаяла, и Васенька был к ней добрый, ласковый, как и родители его, Царствие им Небесное. Шалун, конечно, так на то и дите! Вот только беда – разлучали их часто. Пока маленький – все больше на глазах, а как подрос – то учится в городе, то к бабушке в Вологду отошлют. Степаниду с ним туда не отправляли, не нужна, видать, там была. Судя по всему, очень любила внучка бабушка. И то: ведь родился у нее на руках.

Долго еще рассказывала старушка, угощая Викентия молоком с медом, про маленького барина, про ласковую хозяйку-покойницу, строгого, но доброго барина. Петрусенко терпеливо слушал все, надеясь, что что-то из этих рассказов пригодится в нужный момент.

Наведася он и на конюшню. Могучего вида молодой еще мужик с кудлатой бородой вывел к нему жеребца, на котором в тот роковой день уехал из дому хозяин. Воронок, черный с белой звездочкой на лбу и белыми носочками на передних ногах, был чудо как хорош. Похлопав коня по крупу, Петрусенко спросил, не был ли Воронок запотевшим, усталым, когда вернулся один домой.

– Не, барин, – блеснул зубами конюх, оглаживая коня, – спокойно пришел, тихо. Думаю, недолго шел, есть еще не хотел, пожевал немного, без охоты.

3

На следующий день утром, после легкого завтрака, Викентий Павлович выехал верхом по той дороге, по которой ровно неделю назад отбыл неизвестно куда Василий Захарьев и по которой два часа спустя вернулся его конь. Конюх, предупрежденный Петрусенко еще накануне, подготовил ему Воронок, поддержал стремя и предупредил, что жеребец резвый, но узды слушается мгновенно, а вот шпор не переносит совсем.

Викентий был неплохим наездником и сразу понял, что конь под ним отменный. Солнечное теплое утро, дорога, а вернее, широкая тропа, идущая вдоль зеленеющего поля по кромке леска, запахи трав, черемухи... Так бы ехать и ехать, ни о чем не думая, наслаждаясь...

Судя по свидетельствам жены Захарьева и прислуги, в день исчезновения он был в хорошем настроении, поездка была какой-то необязательной, он даже подумывал ее отложить, но потом сказал:

«Какое утро отменное! Проедусь до Белополья, да заодно и дело сделаю, заеду к посреднику». Значит, размышлял Петрусенко, его ничто не тревожило, не угнетало, никаких особенных планов он заранее не строил. К посреднику не торопился, то есть по пути мог еще куда-нибудь завернуть. И тут что-то случилось. Или возникли новые обстоятельства...

Мысленно споткнувшись о слово «обстоятельства», Викентий почему-то вспомнил слова дворецкого. Как там сказал Василию умирающий отец? «Не повтори моей ошибки. Я виноват перед тобой...» Причем эти слова сопровождались настойчивой просьбой жениться. Так, может, Артемий Петрович совершил какую-то ошибку, винил себя в чем-то, что было связано с его семейной жизнью? Другая женщина? Кто знает... Но каким образом это может быть связано с исчезновением Василия? Скорее всего, никаким... А интересно, знает ли Ксения Владимировна, что решение Захарьева-сына жениться на ней это исполнение предсмертной воли отца? Похоже, не знает. Впрочем, может быть, одно пришлось к другому: Василий и сам видел в ней нареченную, любил, знал, что девушка тоже его любит и никуда не денется, вот и не торопился. А тут смерть отца подтолкнула. Как знать?..

Так что же с тобой случилось, отставной уланский поручик, остроумный красавец, благополучный и богатый помещик? Жив ли ты?.. Какое-то смутное ощущение подсказывало Викентию, что Захарьев жив. Остановив Воронок, он соскочил с седла, погладил коня по холке.

– Ах ты, славная коняга! Ты последним видел своего хозяина. Ты знаешь больше других.

Воронок стал щипать траву. Петрусенко присел на прогретую солнцем кочку, расстегнул жилет и верхнюю пуговицу рубашки. Тепло, хорошо...

– Ну что, – сказал он снова коню, который, словно понимая, покосился на него черным глазом. – Если не можешь рассказать, так, может, хоть покажешь мне, как вы ехали с хозяином, где он отпустил тебя домой? Ведь с того дня ты из конюшни вышел впервые. А вдруг помнишь?

Викентий бодро встал, взялся за уздечку. Ему понравилась пришедшая в голову затея. Конечно, надежды мало, но все же. Лошади существа умные, преданные. Легко вскочив в седло, он не стал править конем, хлопнул его ладонью по крупу.

– Давай, дружок, иди-ка сам. Показывай.

Понял его жеребец или нет, но тронулся вперед, не торопясь, но и не отвлекаясь на молодую зелень вдоль тропы. Спокойно, с достоинством переступал он тонкими ногами. Тропа внезапно раздвоилась, но Воронок не колеблясь свернул направо, и у Викентия дрогнуло сердце: «Надо же! А вдруг что и получится...»

Дорога заворачивала в лес, но не глубоко, по опушке, через чудные полянки, вышла к журчащему веселому ручью, пошла вдоль берега. Потом ручей стал шире, превратившись уже в небольшую речку, и внезапно разлился озерком. Берега его заросли камышом и осокою, и тут же – Воронок вывез Викентия прямо к этому месту, – в несколько рядов стояли ульи. Пасека.

И тут конь стал, опустил голову и принялся щипать траву. Но Петрусенко и сам остановил бы его, поскольку увидел двух человек, отлично ему знакомых: Сергея Никонова и околоточного Степана Матвеевича. Те тоже его узнали, пошли навстречу.

– Славно, славно, – сказал Никонов, пожимая ему руку. – А я часа через два думал навещать в имение, узнать, как у тебя дела. Я-то свои почти закончил, собираюсь возвращаться. Поедем вместе?

– Пожалуй, – протянул было Петрусенко, но, глянув на коня, спокойно пасшегося у озера, вдруг раздумал. – Нет, Сережа, я только до Белополья тебя провожу и вернусь. Не все еще мне ясно.

Он подошел к коню. «Похоже, друг, что воротился ты домой как раз отсюда. Или ошибаюсь? Эх, не скажешь ведь...» Воронок поднял голову, поглядел на него. И тогда Викентий, звонко шлепнув его по крупу, сказал громко и четко:

– Домой! Иди домой, Воронок!

Он, впрочем, не был готов к тому, что конь сразу послушается. Но Воронок, мотнув головой и коротко храпнув, повернулся и спокойно побежал прочь той же тропой, какой они прибыли сюда. Петрусенко растерянно оглянулся.

– Пошел... Степан Матвейч, а ведь, похоже, хозяин в тот день отправил коня домой именно отсюда. Или Воронок сам ушел. Во всяком случае, расстались они здесь. Похоже, как вы считаете?

– Може буты, – сказал околоточный, качая головой, – може буты... Та що ж воно за місце такэ!

– А в чем дело?

– Да в том, что и мы тут не случайно, – объяснил Никонов. – Как раз здесь, неподалеку от пчельника, вон на том дереве и нашли повесившегося Ивана Гонтаря.

– Да ну! – Петрусенко был поражен. Но тут он увидел, что Воронок вот-вот войдет в лесок и скроется с глаз. Он представил, что конь вновь вернется домой без седока и насмерть переспугает хозяйку. Пронзительно свистнув, он побежал по тропе, крича: «Тпру, Воронок, стой!» Тот, умница, послушался, и скоро они вместе вернулись к озеру.

– Давайте присядем, друзья мои, – кивнул Петрусенко на сколоченную у ближайших ульев скамью. – Расскажи, Сергей, поподробнее, что тут случилось. Когда Гонтарь появился в деревне? – он махнул рукой в сторону близких хат.

– Да, точно, это Яковлевка, – подтвердил Никонов. – Гонтарь родом отсюда, родители его здесь живут. Они о нем года четыре почти ничего не знали: уехал на заработки, слухи доходили редко. А на той неделе, в четверг, – да, как раз ровно неделю назад, – он явился домой.

– В четверг, говоришь? – Петрусенко перестал набивать табаком свою трубку, вскинул брови. – Ну, ну... Интересное совпадение!

– Ты о чем это? – теперь уже удивился Никонов.

– Да вот, видишь ли, тот, кого я, как ты знаешь, ищу, помещик Захарьев, исчез ровно неделю назад, в четверг. Яковлевка и Захарьевка друг от друга рукой подать. Гонтарь, как ты сказал, повесился на пасеке. А Захарьев, как я предполагаю, тоже как раз здесь, у пчельника, расстался со своим конем, и тот сам вернулся домой.

– Но это не факт, а только твое предположение?

– Да, да! – нетерпеливо сказал Викентий. – Это может оказаться и просто моей фантазией. Но я почти в этом уверен... А когда же Гонтарь покончил с собой? В воскресенье, кажется?

– Точно, у недилю, – закивал головой околоточный. – З ранку пишов з дому, чекалы его батьки, чекалы, та й почалы розшукуваты. Вже надвечир знайшли оце туточки, – указал вновь на дерево.

– И здесь, Сережа, тоже странное совпадение, – усмехнулся Викентий. – Именно в воскресенье вечером, узнав об этом самоубийстве, жена Захарьева решила больше не ждать его, а обратиться в полицию.

Он вспомнил, как Ксения Владимировна, еще при их первой встрече у него в кабинете, волнуясь и заламывая пальцы, рассказывала: «На третий день, в воскресенье, уже стемнело, прибежала девушка, моя горничная Луша. «Ой, барыня, – кричит, – страхи-то какие, спаси Господи! В Яковлевке Ванька Гонтарь повесился, который к родителям из города намерен приехал». Я и так в лихорадке была, в тревоге, места себе не находила. А тут услышала об ужасном этом событии, и так мне страшно стало!.. Еле переждала ночь и вот, приехала к вам о помощи просить...»

Викентий Павлович читал сообщение о побеге Ивана Гонтаря, которое буквально на днях поступило в полицейскую управу. Из Екатеринославской тюрьмы бежали два приговоренных к повешению по одному делу. Поскольку оба были родом из здешних мест – Карзун из самого города, Гонтарь из Белопольского уезда, то их охранное отделение извещали особо. Следовало проверить бывших дружков, родственников бежавших. Но полиция не успела еще ничего предпринять, как пришло известие: в Яковлевке повесился приехавший на днях навестить родителей бывший крестьянин Иван Гонтарь. О том, что повесившийся – бежавший преступник, уездная управа, подавшая эти сведения в город, узнала из его предсмертной записки.

– Родители Гонтаря тоже не ведают, откуда он приехал, – рассказывал Викентию Никонов. Разговор шел в коляске, резво катившей по дороге. Никонов свои дела уже закончил: Гонтаря опознал, свидетелей опросил, разрешение на похороны оформил и возвращался в город. Петрусенко еще оставался: он решил не уезжать, не сделав еще одного дела – страшного, но необходимого. А пока составил младшему коллеге компанию до Белополя, собираясь зайти там к мировому посреднику. И слушал по пути рассказ Никонова.

– Родители у него старики уже. Сын приехал – обрадовались. Сказал, погостит несколько дней. Но был мрачный, угнетенный какой-то. Как сказала мне его мать: «Беда давила его. Я видела, но что сделаешь? Мне не открылся...» А он три дня себе жизни отпустил попрощаться со всем родным. Когда в воскресенье он ушел с утра и к обеду не вернулся, у родителей сердце зануло, почуяли неладное. Стали искать, кликнули соседей помочь. Но могли еще долго не найти: пчельник, сам видел, заброшенный, улы пустые, сюда редко кто ходит.

– Кто же обнаружил?

– А братишка его младший. Он мне сказал, что вспомнил, как Иван пришел в деревню именно оттуда – через поле от ульев. И пошел искать в ту сторону. Так что первым он Гонтаря увидел, да и последним – тоже...

– Значит, от пчельника шел, говоришь? В четверг? – Петрусенко покачал головой. Печально стало ему, и вновь подумалось, что нужно, обязательно нужно сделать то, что задумал. Завтра же. Он спросил:

– А в котором часу появился Гонтарь? Когда его брат увидел?

– Рано утром. Что, вновь совпадение?

– Сам видишь. Ну, хорошо, что еще по твоему делу?

– В карманах самоубийцы нашли всего одну копейку и блокнот. Грамотный парень был. Оставил записку.

Тут Никонов тронул за плечо возницу, попросил:

– Останови-ка на пару минут.

А когда коляска стала, из своей кожаной папки, полистав какие-то бумаги, достал небольшой блокнот, открыл его и прочитал: «Нас двоих человек за одно преступление приговорили к смертной казни. Но мы бежали из тюрьмы. Хочу помереть дома добровольно, а живым полиция не дам. Прощайте. Иван Гонтарь».

Петрусенко взял блокнот, перелистал три странички, исписанные крупными буквами. И задумался.

В Белополье они расстались. Никонов поспешил на станцию, а Викентий Павлович – к мировому посреднику. Тому самому, к которому намеревался заехать Захарьев неделю назад.

Небогатый местный дворянин принял его любезно, но рассказал очень мало. Нет, Василий Артемьевич не приезжал к нему ни в четверг, ни позже, хотя он ждал его именно на прошлой неделе – были дела. Молодой Захарьев отличный наездник и не любит кататься в коляске. К нему он обычно приезжал верхом на своем любимом Воронке. Оно и понятно: военная привычка, поручик уланов...

Викентий Павлович поинтересовался, не знает ли собеседник, почему Захарьев так рано вышел в отставку. На что тот без колебания ответил: «Да зачем ему военная лямка при его богатстве! По молодости лет щегольнул мундиром – и хватит. Отец-то и стар был, и хвор. А род какой богатый и знатный! Даже после реформы в хозяйстве ничего на убыль не пошло, еще и прибавилось». И Петрусенко узнал, что Захарьевы издавна владели лучшими угодьями здесь и в соседней губернии. Хозяйство вели умело, не лютовали над людьми, потому и деревни у них были зажиточными, а крестьяне справными. Но вот когда государь император Александр Освободитель крепостным волю дал, Артемий Петрович, хотя и молод еще был, но пустого благодушия не проявил. Денежной повинности за отходившие крестьянам земли добился самой высокой. Положенную себе треть от всех удобных земель взял самыми лучшими угодьями. А потом стал предлагать крестьянам взять меньший надел, но бесплатно. Многие соглашались, поскольку выкупная плата была очень уж высока, многим не под силу. Хотя и знали, что дарственный надел составит лишь четверть от положенной им земли. Так Захарьев свои угодья удвоил. Нынче уже его сыну Василию Артемьевичу их бывшие села подати платят, крестьяне работают на господской земле и, как и прежде, зовут Захарьева «барином». Впрочем, надо отдать должное: он не жесток, шкуру с крестьянина не дерет. Мировой посредник, как никто, знает об этом и, хотя и очень озабочен исчезновением молодого помещика, и мысли не допускает, что с ним могли расправиться какие-нибудь из его подопечных.

С утра следующего дня округа Яковлевки и Захарьевки огласилась возбужденными головами, шумом. Петрусенко сидел на берегу у пчельника, глядя, как пять лодок медленно и методично плавают по небольшому озеру, а люди в них прочесывают дно баграми и сетями. Он знал, что ближний лесок и рощу тоже прочесывают. Там с полицейскими, прибывшими из уездной управы, местные крестьяне. И здесь, в лодках, тоже. Усатый Степан Матвеевич оказался человеком очень уважаемым в своем околотке, собрал многочисленную подмогу и сам в одной из лодок командует. К берегу долетает его зычный басок.

А Викентий Павлович ждет результата и надеется, что тела Василия Захарьева не найдут. Плеск озерной воды, лодки и люди с баграми вызвали в его память самое громкое в уголовном деле убийство – совсем недавнее, этого месяца. Случилось оно в Германии. Расследование еще не закончено. Там тоже все началось с обнаруженного в воде тела...

4

Около восьми часов утра, когда туман еще стелился над водами реки Шпрее, мусорщик Теске с подручным плыли на лодке вдоль берега в районе Рейхстага. Это был их участок реки, они каждый день очищали его от мусора. Именно здесь они и выловили из воды сверток в грубой бумаге, перевязанный бечевкой, с пятнами крови. Теске равнодушно подумал, что вновь кто-то выбросил в воду новорожденного младенца: за годы службы он не раз выуживал подобные находки, привык. Но когда на этот раз он разорвал бумагу, по-настоящему испугался: перед ним было тело девочки без головы и конечностей...

Когда сообщение поступило в полицей-президиум на Александерплаце – своего рода немецкий Скотленд-Ярд, к берегу Шпрее тут же выехали и шеф берлинской криминальной полиции, и сам полицей-президент Берлина фон Боррис, и два дежурных комиссара Ванновски и Вен. Судебный доктор, осмотрев тело, уверенно объявил: перед смертью над ребенком было совершено жестокое надругательство... Почти сразу полиции стало известно, что два дня назад в северном районе Берлина исчезла девятилетняя Люси Берлин, младшая дочь рабочего табачной фабрики Фридриха Берлина. Вскоре этот бледный пятидесятилетний мужчина, которого привезли к берегу Шпрее, упал в обморок, узнав дочь по шраму в нижней части груди.

Расследовать преступление назначены были комиссары Ванновски и Вен, давно и хорошо сработавшиеся, имевшие большой опыт и отлично дополнявшие друг друга: один – спокойный, молчаливый, другой – подвижный, вечно жестикулирующий. Они тут же, уже в 9 часов утра, дали указание патрулям криминальной полиции, которые постоянно циркулировали в Берлине в поисках эротоманов, сутенеров и карманников, сосредоточить внимание на районе улицы Аккерштрассе, где проживало семейство Берлина. Они обитали в многоэтажном темном доходном доме, где в тесных квартирках с низкими потолками ютилась почти сотня семей. Через арку можно было попасть во внутренний двор, запущенный и грязный, по старой деревянной лестнице – на этажи с узкими коридорами и клозетами, расположенными между этажей. Здесь, как и во всем этом районе, жили рабочие, мелкие ремесленники и другая беднота – бок о бок с проститутками и сутенерами, бродягами, ворами.

Семья Фридриха Берлина занимала квартиру на втором этаже. Когда Ванновски пришел, чтобы их расспросить, застал всех: отца, мать, старшего девятнадцатилетнего сына и младшего сына Хуго. Комиссар узнал, что 9 июня девочка вернулась из школы в 11 часов, поиграла немного во дворе, купила у лавочника конфет на два пфеннига. В полдень домой пришел отец, семья вместе пообедала, потом Фридрих Берлин снова ушел на фабрику. Около 13 часов девочка попросила дать ей ключ от уборной, которая находилась несколькими ступеньками выше квартиры. Спустя двадцать минут домой пришел Хуго, стал искать Люси. Уборная оказалась заперта, а девочки нигде не было. Братья и родители разыскивали ее до вечера. Поздно вечером Фридрих Берлин отправился в полицейский участок и заявил о пропаже дочери.

Комиссар Вен осматривал двор и дом. Разговаривал с людьми. Из потока самых разных сведений он выбирал то, что, казалось, могло пригодиться. Несколько человек, в том числе и дети, говорили, что видели бородатого мужчину в соломенной шляпе и мешковатых брюках. Одни видели, как он выходил с девочкой из арки, другие – как тащил ее в сторону соседнего парка, третьи – как он заходил в ту же лавку, что и она. Кто-то вспомнил, что мужчина еще и прихрамывал.

Вскоре сотрудники криминальной полиции уже обходили всех известных им проституток с Аккерштрассе, расспрашивая о хромом человеке в мешковатых брюках. В соседней с Берлинами квартире жила некая Иоганна Либетрут, зарегистрированная как проститутка. Лишь накануне она вышла из тюрьмы и как раз перед приходом полиции отмечала это событие вместе со своим сожителем Теодором Бергером, торговцем подержанными вещами.

Иоганна уже знала о трагедии, постигшей семью соседей, всхлипывая, она поведала, что очень жалеет бедную малышку, которая заходила к ней в гости и звала ее тетей. Расчувствовавшись, она поделилась с полицейскими и своей радостью: вот уже восемнадцать лет Бергер обещает жениться на ней, и вот, наконец, завтра их свадьба. Но главное – Иоганна заявила, что убийцей может оказаться Отто Ленц – сутенер Эммы Зейлер, которая проживает в этом же доме, в подвальном помещении. Он прихрамывает, носит плохо сшитые брюки и соломенную шляпу, знаком с Люси Берлин и даже играл с ней – брал ее на руки, заставлял плясать под музыку и вечно пилил на нее глаза... Эмма Зейлер не только подтвердила все это, но и охотно назвала места, где Ленца можно застать.

Через сутки, в воскресенье, во второй половине дня, Ленца арестовали в одной из закусок. Он уже сбрил бороду. А вот соломенную шляпу выбросить не успел. Дрожа от страха, он признался, что действительно знал Люси, не раз играл с ней, но клялся, что ему и в голову не приходило причинить какой-нибудь вред ребенку. Однако свидетели, которых Ванновски пригласил на опознание, в один голос утверждали, что видели девочку именно с этим человеком. Ленца водворили в тюрьму, но Ванновски грызло сомнение: слишком уж нарочито все указывало на Ленца. Так и оказалось: у Ленца было на день убийства неоспоримое алиби. Ванновски и Вен продолжили розыск.

Десятки сотрудников уголовной полиции тщательно обыскали район – все дворы и задворки, но ни следов крови, ни одежды девочки нигде не было. Вот тогда Вену впервые пришлось в голову: а может быть, Люси вообще не покидала дом? Может, ее затащили в чужую квартиру, в подвал или на чердак? Убили, расчленили и лишь потом вынесли и бросили в реку... Обыскали чердаки и подвалы дома – ничего! Стали выяснять, кто живет по соседству с квартирой Берлинов. Одной из соседок была та самая Иоганна Либетрут, которая рассказала о Ленце. Ванновски стал расспрашивать о ней полицейских, которые заходили к ней, и от них услышал о ее женихе Теодоре Бергере. Приказал собрать сведения о Бергере – на всякий случай. И тут комиссаров ожидал сюрприз: Бергер был в этой квартире не гостем, а постоянным жильцом: еще полгода назад он выехал со своей квартиры сюда, а указанный в документах адрес – просто маскировка. Маскировка и его торговля, по сути же, он сутенер и живет за счет Либетрут. Однако сутенер – это еще не убийца. К тому же в понедельник, 13 июня, Бергер действительно подал заявление о своей женитьбе на Иоганне.

Но вот среди сведений, собранных о Бергере, появились показания отца Иоганны, жившего неподалеку. Он рассказал, что когда его дочери было еще четырнадцать лет, ее совратил Бергер и затем отправил на панель, заявив отцу, что теперь ему работать ни к чему, поскольку Иоганна его прокормит. С тех пор так и жил за ее счет, пил, играл и сводничал, не раз попадал в тюрьму за разврат. А глупая Иоганна восемнадцать лет все ждет, что он на ней женится. Когда же старику сказали, что Бергер и вправду собрался жениться, тот воскликнул: «Значит, произошло что-то сверхъестественное!»

Это восклицание словно раскрыло Ванновски глаза. Вновь на Аккерштрассе появились полицейские, пошли по квартирам, расспрашивая о роковом дне 9 июня, о Бергере, его отношении к детям, о Люси, о квартире Либетрут, о звуках, которые могли доноситься оттуда... Именно Вен услышал от старушки Анны Мюллер, что 9 июня на лестнице она видела Люси, которая направлялась в уборную, и Бергера, стоявшего в дверях своей квартиры и глядевшего на девочку. Важными оказались и показания супругов, живших прямо над квартирой Либетрут: 9 июня, приблизительно в половине второго дня, они услышали звук как будто падающего тела, а потом такой шум, словно кто-то бьет об пол руками и ногами. Еще одна свидетельница, Гертруда Ремер, утверждала, что рано утром 11 июня видела у Рейхстага на берегу мужчину, который нес большой пакет и вел на поводке черную собаку. Описание мужчины совпадало с описанием Бергера, а собака походила на его пса. Бергера и Иоганну Либетрут арестовали в тот день, когда были найдены, тоже в воде, связанные вместе голова и руки уби-

той девочки. Бергера отвезли в морг, где показали страшную находку, но он хорошо владел собой и все отрицал. Показания Анны Мюллер назвал болтовней слепой старухи, соседей о шуме в квартире – выдумкой. Однако все изменилось после допроса Иоганны. Не сразу, но все же она призналась: вернувшись из тюрьмы, она застала Бергера спящим. По дороге домой она уже слышала об убийстве Люси, и Бергер сразу же сказал ей, что убийцей может быть Ленц. Иоганна стала убирать квартиру и обнаружила пропажу одной из бельевых корзин, хранившихся под кроватью. Она стала ругаться с Бергером, подозревая его в измене, и он в конце концов сознался: да, он приводил сюда женщину и расплатился с ней корзиной – денег не было. Иоганна стала кричать, он никак не мог ее успокоить. В конце концов он обнял ее и сказал: «Я рад, что ты вернулась, я все обдумал и хочу на тебе жениться». Женщина изумилась: еще недавно, в тюрьме, одна из арестанток говорила, что после освобождения выходит замуж. Иоганна тогда заплакала от зависти и сказала: «Бергер предпочтет десять лет каторги женитьбе на мне». И вот ведь решился! Конечно, от счастья она забыла все обиды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.